

The background of the cover is a dark, cracked surface. Two hands, one from the left and one from the right, are reaching towards each other, with their fingers just inches apart. A single, glowing golden feather floats in the air between the hands, emitting a soft light. The overall mood is one of hope and connection.

КРИК В ТИШИНЕ

Виктория Громова
свет уже есть в тебе

18+

Виктория Громова

Крик в тишине

«Автор»

2026

Громова В.

Крик в тишине / В. Громова — «Автор», 2026

Что делать, если самый страшный человек в твоей жизни — это «новый папа», а самый равнодушный — родная мать? В автобиографической повести «Крик в тишине» автор без прикрас описывает механизм домашнего насилия, где насилие физическое идет рука об руку с предательством близких. Это путь маленькой девочки через десятилетия боли к финальному столкновению в зале суда. Как доказать правду, если система опеки холодна, а биологические улики «списаны» за давностью лет? Ответ — в аудиозаписи, которая стала материализованной гнилью преступника, и в сестринской любви, ставшей сильнее страха. Книга-манифест для всех, кто столкнулся с тьмой и ищет путь к свету.

© Громова В., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Предисловие	5
Конец ознакомительного фрагмента.	12

Виктория Громова

Крик в тишине

Предисловие

Ты держишь эту книгу в руках, и, возможно, твои ладони сейчас дрожат так же, как дрожали мои на протяжении долгих лет. Возможно, в твоём доме тоже поселилась «липкая» тишина, а человек, который должен быть твоей защитой, стал твоим ночным кошмаром.

Я написала эту историю не для того, чтобы просто выплеснуть свою боль. Я написала её, чтобы стать тем голосом, которого не было у меня, когда мне было восемь, десять, пятнадцать лет.

В этой книге нет красивых метафор о прощении. Здесь – голая, порой грязная и невыносимая правда. О том, как самый близкий человек – мама – может выбрать слепоту. О том, как система может выставить тебя за дверь, не желая слышать крик о помощи. И о том, как одна маленькая аудиозапись и капля генетического материала могут весить больше, чем годы лжи.

Мой путь занял десятилетия. От выброшенной в мусорку банки с уликами до приговора в восемнадцать лет строгого режима. Я прошла через суды, детекторы лжи и психиатрические экспертизы, где мне приходилось снова и снова проживать свой ад, чтобы вытащить из него свою младшую сестру.

Если ты сейчас находишься в темноте. Если тебе говорят: «Тебе показалось». Если тебе кажется, что выхода нет, а монстр в твоём доме всемогущ – читай.

Я хочу, чтобы ты знала: справедливость возможна. Она тяжёлая, она изнуряющая, она требует от тебя нечеловеческого мужества, но она существует. Я – живое тому доказательство. Сегодня у меня есть семья, любимая дочь и право дышать полной грудью, не оглядываясь на тени за спиной.

Эту книгу я посвящаю своей сестре и той маленькой девочке внутри меня, которая слишком долго молчала.

Помни одну вещь, которую я поняла на самом дне своего отчаяния: если ты не видишь света вокруг себя, если всё кажется беспросветно черным...

Значит, ты и есть тот самый свет, который должен разогнать эту тьму

В добрый путь. Начнем с первой главы

Глава 1. Семейные узы

«Счастье можно найти даже в самые темные времена, если не забывать обращаться к свету».

Эта фраза из «Гарри Поттера» стала для меня не просто цитатой из любимого фильма, а единственным законом, по которому я выжила. В моей жизни было много тьмы – липкой, тихой, пробирающейся в самую душу под маской «семейного благополучия». Но у меня всегда был мой светлый луч, который освещал мне дорогу.

Этим лучом света навсегда останется моя бабушка.

Миф о святости

Мы привыкли слышать со всех сторон, что семья – это святое, а родителей нужно ценить просто за то, что они есть. Мир кричит о важности «счастливого детства», навязывая образ дома как крепости. Но моя история – это исключение из этого красивого правила. Она о том, что родные люди могут причинить тебе столько боли, сколько не сможет причинить никто другой. О том, что самый близкий человек может стоять рядом и не замечать, как ты умираешь, или – что еще страшнее – делать вид, что ничего не происходит.

Иногда для уничтожения не нужны ремни и наказания. Равнодушие убивает тише, но вернее. Холодный взгляд, направленный сквозь тебя, когда ты кричишь о помощи без слов, разрезает кожу тоньше любого лезвия. Эта открытая слепота – самая страшная и мучительная смерть для ребенка.

Я не призываю не любить свою семью, я лишь хочу показать иную, принадлежащую только мне реальность. Мой сценарий другой, не похожий на вековые традиции о вечных ценностях. Для многих людей мама – это священное слово, божественный дар, однако моя позиция в этом вопросе иная.

Моя мама – это моя бабушка.

Территория безопасности

В мире, который стремительно зарастал ложью, только дом бабушки оставался местом, где можно было просто дышать. Там, за порогом её квартиры, начиналась другая зона – территория абсолютной безопасности. Это было единственное место на земле, где моё тело переставало быть сжатой пружиной. Я кожей чувствовала, как уходит это вечное, изматывающее ожидание удара или окрика, которое в родном доме стало моим вторым «я».

У бабушки безопасность имела свои приметы: мягкий свет торшера, тепло её рук, которые никогда не отталкивали, и осознание того, что здесь мне не нужно быть «удобной» или «правильной», чтобы меня любили. Здесь я могла просто быть. В этой тишине не было угрозы, она была наполнена уютным, мерным тиканьем бабушкиных часов. Этот звук – спокойный, ритмичный, предсказуемый – стал для меня лучшей колыбельной. Он словно говорил мне: «Всё хорошо, время идет, ты в безопасности».

Под это тиканье я засыпала глубоким и безмятежным сном, без кошмаров, потому что знала: пока эти часы бьют в такт с бабушкиным сердцем в соседней комнате, со мной ничего не случится. Она была моим персональным убежищем, моим нерушимым островом в океане хаоса.

Дважды на краю

Когда стены родного дома сжимались, когда голос мамы становился чужим и холодным, я вспоминала бабушку. Своей нежностью она оберегала меня от зла. Её вера в меня была невидимой нитью, за которую я держалась, чтобы не упасть в темноту окончательно.

Словно сама Жизнь в её лице дважды удержала меня на краю: сначала даря смысл, а потом – просто войдя в комнату в ту самую секунду, когда я была готова сделать шаг из окна. Она не задавала лишних вопросов, она просто была рядом, когда воздух в моих легких заканчивался.

Путь к свету

Эта книга – о пути из непроглядной тьмы к этому самому свету. О том, как маленькая девочка, которая прятала под кроватью старую стеклянную банку, бережно собирая в неё улики своей разрушенной жизни – клочки записок, сломанные вещи, свидетельства лжи, – выросла в женщину, готовую к открытой борьбе. Эта девочка повзрослела слишком рано, чтобы однажды защитить свою сестру и добиться справедливости вопреки «святости» семейных уз.

Я посвящаю эту историю всем, кто сейчас находится в своей «темной комнате». Помните: свет существует. И иногда, чтобы его найти, нужно самой стать этим светом.

Глава 2. Между клеткой и сгущенкой

Моё детство не было ярким фильмом, оно было черно-белой хроникой выживания. Пока другие дети запоминали колыбельные и вкус первых яблок, я заучивала звуки шагов в коридоре и училась определять степень опасности по тому, как хлопает входная дверь.

У моей жизни было два полюса. На одном – наша квартира, пропитанная запахом усталости, горечи и тревоги. Мама была в ней вечным движением, призраком, который уходил на работу до моего рассвета и возвращался, когда у неё не оставалось сил даже на то, чтобы просто посмотреть мне в глаза. Я не понимала, как любящая до безумия свое дитя женщина дошла

до крайней точки и провалилась в бездну. Её отсутствие было моим приговором: я оставалась один на один с отцом и его демонами.

Любовь, ласка, забота и тепло тихо растворялись в безнадежности и отчаянии. «Папина дочка» – это выражение для меня было мифическим, чем-то невозможным и нереальным. Это долго оставалось загадкой: как можно свою плоть и кровь не то что не любить, а просто быть невидимкой рядом с ней? Холодно бродить по дому, будто в лесу, оставаясь абсолютно одиноким.

Товар за выкуп

Когда отец уходил в запой, наш дом превращался в клетку, а я – в заложницу. Я до сих пор помню то ледяное чувство беспомощности, когда стоишь в коридоре с рюкзаком за плечами, готовая бежать в школу, к друзьям, в нормальный мир, но путь преграждает он.

Красные, налитые кровью глаза и до безумия стеклянный, пронзающий тебя, как тысячи клинков, взгляд... – Пока бабушка не даст денег на выпивку, никуда не пойдешь, – бросал он.

В эти минуты он превращал моё право на будущее в обычный товар. Я сидела в своей комнате, слушая тяжелое дыхание за дверью, и ждала. Ждала единственного человека, который мог выкупить мою свободу.

Бабушка Надя. Мой личный ангел-хранитель с натруженными руками и сердцем, в котором всегда хватало места для меня. Она приходила как спасительница, молча открывала кошелек и фактически платила моему собственному отцу за мой глоток свежего воздуха.

Схватка в коридоре

Но самым страшным было не ожидание, а моменты физического столкновения. Я помню, как бабушка пыталась увести меня, спрятать за своей спиной, забрать в свой мир, где не пахло перегаром и безнадежностью. Но отец не отпускал. Он буквально вырывал меня из её рук, вцепляясь в мои плечи своими трясущимися пальцами. В эти секунды я чувствовала дикий, животный страх – страх, что руки бабушки соскользнут, и я провалюсь в эту тьму безвозвратно.

Но бабушка никогда не отпускала.

Это было не просто страшно. Это было необъяснимо ужасно для ребенка восьми-девяти лет. Сердце останавливалось. Забыв, как дышать, я надеялась только на светлый луч, который ждал меня где-то там, за пределами этих поломанных стен.

Вкус спасения

Когда за нами наконец захлопывалась дверь её квартиры, мир менялся. Школа, друзья, уроки – всё это светлое будущее возвращало меня к жизни. К той самой жизни, где есть зеленая трава, ободранные колени, догонялки по коридорам и аромат свежих булочек из столовой.

А после – новое счастье у бабушки Нади, у которой время текло иначе. Там пахло выпечкой, чистотой и покоем. Она знала мою самую большую слабость – вареную сгущенку. Она покупала её специально для меня, и эта жестяная банка была моим личным сокровищем, моим доказательством того, что жизнь может быть другой.

Я садилась за стол, бабушка наливала горячий чай, и я съедала всю банку целиком. Это казалось невероятным, почти запретным счастьем. Каждый глоток этого густого, сладкого лакомства как будто смывал вкус того липкого ужаса, который я только что пережила в коридоре. Сгущенка была сладкой, а жизнь у бабушки – понятной и доброй.

В те часы я верила: пока у меня есть бабушка Надя и эта банка на столе, я спасена. Я не знала, что впереди меня ждет еще более густая тьма, против которой не помогут даже её руки. Но именно этот «сгущенный» вкус счастья и вера бабушки стали тем фундаментом, который не позволил мне сломаться, когда мой мир окончательно рухнул.

Глава 3. Иллюзия тишины

Праздник, ставший хаосом

Появление сестры в семье должно было стать праздником, но в нашем доме оно оказалось лишь новым поводом для хаоса. Когда мама вернулась из роддома с маленьким свертком,

запой отца стали еще тяжелее, а скандалы – громче. Теперь в коридоре, где он вырывал меня из рук бабушки Нади, раздавался еще и плач младенца. Мама, и без того измотанная работой, окончательно превратилась в тень. Она словно задыхалась под грузом ответственности за нас двоих и за человека, который планомерно уничтожал нашу жизнь. В те дни тишина в квартире пугала больше, чем крики, потому что она означала лишь передышку перед очередным обвалом.

Последний оплот

В этот же период из моей жизни ушел еще один свет – умер дедушка с папиной стороны. Он любил меня больше жизни. Если бабушка Надя была моим тылом, то дедушка был моим безусловным признанием. Самая чистая и добрая надежда в его лице давала мне поводы радоваться всему этому миру. С его смертью я почувствовала, как огромная часть моей защиты просто исчезла. Мир становился всё холоднее и безлюднее. Казалось, ангелы-хранители уходят один за другим, оставляя меня стоять на ветру в одиночку.

Свобода с привкусом пепла

Развод родителей не стал для меня трагедией. Он стал избавлением. Когда отец наконец исчез за дверью, забрав с собой запах перегара и вечный страх «выкупа» перед школой, я впервые за долгое время выдохнула.

Но за этим избавлением пришло горькое осознание: мы были ему не нужны. Его «любовь» закончилась вместе со штампом в паспорте. Он почти не интересовался нашей жизнью, не искал встреч и не пытался быть отцом. Лишь изредка он появлялся, чтобы отыграть роль папы перед знакомыми. Очень скоро он окончательно стер нас из своей памяти – уехал в другой город, завел новую семью, женился. Мы стали для него прочитанной и выброшенной книгой. Я смотрела на закрытую дверь и понимала: я не просто свободна от его агрессии, я свободна от его существования в моей жизни. Но в детском сердце эта пустота ощущалась как сквозняк, который невозможно унять.

Мягкие шаги монстра

Мы остались втроем: мама, я и маленькая сестра. Казалось бы, вот оно – время тишины. Время, когда мы могли бы залечить раны и научиться быть семьей без криков. Но мама была слишком надломлена годами борьбы. Она была ошеломлена свободой и одиночеством, и именно в эту пустоту, в эту зияющую рану нашей семьи, очень технично и мягко вполз он.

Он не врывается с шумом. Он просачивался в нашу жизнь каплями: лишним пакетом продуктов, «случайной» помощью по дому, тихим вкрадчивым голосом, который так контрастировал с рыком отца. Мама, истосковавшаяся по плечу, на которое можно опереться, не видела, как эта опора медленно превращается в капкан.

Мы были идеальными жертвами: уставшая женщина, ищущая опору, и брошенные дети, которые только-только начали верить, что монстры ушли вместе с родным отцом. Мы не знали, что настоящий монстр не всегда кричит и пахнет водкой. Иногда он носит маску идеального джентльмена, умеет красиво сочувствовать и приходит тогда, когда ты меньше всего готова защищаться. Его приход не вызвал у меня ужаса – и в этом была его самая большая победа. Он заставил нас расслабиться, чтобы потом сжать кольцо еще крепче.

Глава 4. Белая «Газель» и запах гнили

Он вошел в нашу жизнь буднично, почти незаметно. После развода родителей мама продолжала работать в магазине у моей школы, и я привыкла видеть её уставшей, идущей к нам с сестрой в дом бабушки Нади. Но однажды привычная картинка изменилась. У обочины, рядом с маминой работой, начала появляться белая «Газель».

Неделя, вторая, третья... Этот фургон стал постоянным фоном наших вечеров. Я видела, как мама садится в кабину, как она улыбается кому-то, кого я еще не знала. В её глазах появилось что-то, чего я не видела годами – робкий огонек надежды. Она думала, что нашла спасение. Она не знала, что садится в машину, которая везет её и нас в еще более глубокую пропасть.

Вторжение в храм

Настал день знакомства. Мама привела его в дом к бабушке – в моё единственное безопасное место, мой храм. Она хотела, чтобы мы стали «одной семьей». Но как только я увидела его лицо, мир внутри меня содрогнулся.

Это не был страх перед незнакомцем. Это был чистый, концентрированный ужас. Его лицо показалось мне настолько мерзким и отвратительным, что к горлу подкатила физическая тошнота. Бывает внешность, которая просто не нравится, но здесь было другое: моё нутро кричало об опасности. Каждая черта его лица, его взгляд, его манера стоять – всё казалось мне физически липким и грязным.

Мама сияла. Бабушка, возможно, присматривалась с вежливым любопытством. А я стояла и чувствовала, как по спине пробегает ледяной холод. В тот момент я еще не могла облечь это в слова, я была лишь ребенком, который верит своим чувствам. Я просто знала: этот человек – враг.

Белая «Газель» не привезла нам защитника. Она привезла того, кто скоро начнет по кусочкам разрушать то немногое, что у нас осталось. Но самое страшное было в том, что в этом доме я оказалась единственной, кто почувствовал запах гнили под ароматом его фальшивой вежливости.

Режим «идеального мужчины»

В тот вечер он включил режим «идеального джентльмена» на полную мощность. Его вежливость была чрезмерной, приторной, как патока. Он зашел в дом бабушки с пакетами, полными сладостей и вкусностей, словно пытался с порога купить наше доверие. Но для меня эти подарки были пропитаны его грязной фальшью.

Я смотрела, как он улыбается – не глазами, а только губами. Это была застывшая маска, за которой не было ни грамма искренности. Он пытался быть добрым, сыпал вежливыми фразами, шутил, но я чувствовала: за этой витриной скрывается нечто темное. От него за километр несло гнилью – не физической, а душевной. Это был запах опасности, который мой детский организм считывал мгновенно.

Ослепленная надежда

Я видела, как он смотрит на нас, как оценивает обстановку, и понимала: он не пришел дать нам опору. Он пришел забирать. Самое горькое было то, что я не могла подойти к маме и сказать: «Посмотри на него моими глазами». Она была ослеплена его «белой газелью» и его готовностью подставить плечо. Она видела в нем спасение от одиночества и безденежья. А я видела только мерзкое, отвратительное лицо человека, который принес в наш дом сладости, чтобы скрыть вкус гнили, которой он собирался нас накормить.

В тот вечер я поняла: мой остров безопасности под названием «дом бабушки» перестал быть неприступным. Монстр вошел внутрь, и он улыбался мне своей самой фальшивой улыбкой.

Глава 5. Захваченная территория

Переезд в квартиру мамы случился быстро. Белая «Газель» разгрузилась у нашего подъезда, и вместе с его вещами в наше тесное жилище окончательно заехала тьма. Маска «вежливого джентльмена» не слетела в один миг, нет – она начала медленно сползать, обнажая хозяйское, властное лицо.

Я плохо помню те дни, словно память сама набросила на них серую вуаль, пытаюсь защитить меня. Но одно воспоминание врезалось намертво: он мгновенно возомнил себя главой семьи. Не защитником, не опорой, а именно надсмотрщиком.

Его власть стала тотальной. Теперь не мама, а он решал, во сколько нам с сестрой ложиться спать. Он диктовал, что мы будем есть на ужин, совершенно не считаясь с нашими желаниями. Мои школьные оценки стали его личным поводом для самоутверждения: он ругал меня за каждую ошибку так, будто имел на это право, хотя был для меня абсолютно чужим

человеком. Даже чтобы просто выйти во двор подышать воздухом, я должна была подойти к нему и унижительно отпрашиваться, ожидая его вердикта.

Но еще я отчетливо помню как была подростком и оставшись одна дома, позвала свою подругу, мы оставшись одни и без надзора решили попробовать тот самый запретный напиток и немного переборщили

Мама с этим ублюдком тогда были на свадьбе у его брата и конечно ничего не подозревали

Но наш эксперимент был услышан соседями и вернувшись домой наказание меня ждало немислимое

Он заставил меня пить с ним водку до тех пор пока мне не стало плохо и меня начало выворачивать настолько что отходила я несколько дней

Это было лишь начало. Он любил выпить и часто пытался спаивать меня под предлогом стаканчика пива, конечно мамы не было в эти моменты дома и держа ее в неведении эти попытки повторялись многократно

Бывали даже случаи когда ко мне приходили подруги в гости и это подобие человека переключалось на них

Весело зазывая на кружечку яда

Но больше всего было смотреть на маму. Она просто молчала. Та самая сильная женщина, которая годами тащила нас на себе, вдруг добровольно и спокойно передала ему «трон». Она словно самоустранилась, позволив этому человеку затаптывать наше пространство.

Но самым страшным было другое. В какой-то момент он перешел к открытому психологическому террору. Видя моё сопротивление, моё нежелание признавать его власть, он начал методично уговаривать маму отдать меня в детский дом.

– Посмотри на неё, она неуправляемая, – ядом капали его слова. – Если она не изменится, если не будет вести себя так, как я требую, ей здесь не место.

Он грозил мне приютом за каждое «неправильное» слово, за каждый взгляд, в котором он читал мою ненависть. Это был высший акт садизма: заставить ребенка верить, что его родная мать может от него отказаться в угоду новому мужчине. И мама не обрывала его. Она слушала это молча, и это молчание ранило меня сильнее, чем любая его ругань.

Я жила в постоянном ожидании удара. Я стала тенью в собственном доме, стараясь быть максимально тихой и «удобной», чтобы не дать ему повода исполнить свою угрозу. Ловушка захлопнулась. Единственный человек, который мог меня защитить, сам открыл врагу ворота и теперь послушно смотрел, как этот враг выживает меня из моей единственной крепости.

Вместе с его приходом в нашем доме исчезло само понятие "личного пространства". Мои границы, которые и так были хрупкими после тяжелого детства с отцом, теперь просто перестали существовать.

Он считал своим правом входить в мою комнату без стука в любой момент, даже когда я переодевалась или просто хотела побыть одна со своими мыслями. Мои вещи, мой стол, мои дневники – всё стало объектом его надзора. Он мог бесцеремонно копаться в моих делах, задавать липкие, неуместные вопросы, от которых по коже бежали мурашки. Это не было заботой – это был захват. Он словно помечал территорию, давая мне понять: в этом доме нет ни одного сантиметра, который принадлежал бы только мне.

Я чувствовала себя прозрачной, выставленной на обозрение хищнику. Его присутствие ощущалось везде – в запахе его сигарет, в его тяжелом взгляде, который преследовал меня, даже когда я пыталась скрыться в ванной. Самое страшное, что мама не видела в этом ничего предосудительного. Когда я пыталась возмутиться или закрыть дверь на щелчку, мне говорили, что я "грубиянка" и "скрытная".

Он методично приучал меня к тому, что я не принадлежу себе. Что моё тело, моё пространство и мои секреты – это то, что он может взять в любой момент. Сначала это были просто

"проверки" и неуместные замечания, но за ними скрывалось нечто гораздо более злое. Он ломал мои границы так же уверенно, как ломают старый забор, чтобы однажды просто перешагнуть через него и зайти туда, куда входить не имел права ни один человек в мире».

Глава 6. Проходной двор

Мой дом перестал принадлежать нам не только из-за его личного присутствия. Вместе с ним в нашу квартиру ворвался бесконечный поток чужих, громких и пахнущих перегаром людей. Если раньше наш дом был тихим (пусть и тревожным) местом, то теперь он превратился в бесплатный трактир, где никогда не гас свет и не смолкали пьяные голоса.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.